

ГЛАВА I

НАЧАЛО ПУТИ

«Творчество истинное носит в себе
величайшей сложности инструмент»
(И. Шмелев в письме В. В. Вересаеву
13(26) XI 1921.)

В очерке «Горящее сердце» К. Бальмонт писал о творчестве И. Шмелева: «Это — пленительное явление, яркое и ласковое. Говорить о Шмелеве как о писателе можно и должно, много и долго. Это придет. Один язык ставит его на особое место»¹. О Шмелеве писали много и долго, начиная с рецензий о его первой книге «На скалах Валаама» (1897). Но по-настоящему оценить его творчество время пришло только после 2000 года, когда Шмелев вернулся в Россию не только каждой написанной строкой вместе с архивом, привезенным из Франции, но и душой своей, успокоившейся, наконец, согласно его завещанию, в некрополе Донского монастыря.

Незаурядный талант Шмелева, раскрывшийся особенно выразительно в годы эмиграции, заставил пересмотреть устоявшиеся оценки его творчества и признать вслед за философом И. Ильиным, что он является «ясновидцем народной души», выразителем русской национальной религиозности и «живой субстанции» России². В очерке «Шмелев, какого никто не знает» К. Бальмонт пояснил: «Шмелев столь Русский — и только Русский, — что как писатель и как человек он может в этом быть сближаем разве с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым, — та же крепость, напевная чара и первородность языка, и та же способность остро видеть и четко чувствовать лишь Русское, в природе ли, в душе ли человека. Шмелев, кроме того, столь москвич, что хотя и изъездил пол-России, он во всем и всегда останется Москвичом»³.

К. Бальмонту вторил А. Куприн: «Шмелев теперь — последний и единственный из русских писателей, у кого еще можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка... Шмелев

изо всех русских — самый распрерусский, да еще коренной прирожденный москвич, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа»⁴. Анализируя произведения Шмелева в наши дни, В. Распутин заметил, что это — «писатель огромной духовной мощи, христианской чистоты и светлости души»⁵. Задача настоящей книги — попытаться определить сущность феномена духовности писателя и своеобразие его художественного мира.

В «Автобиографии» Шмелев писал: «Прадед мой по отцу был из крестьян Богородского уезда Московской губернии. В 1812 году он уже был в Москве и торговал посудным и шепным товаром. Дед продолжал его дело и брал подряды на постройку домов. На постройке Коломенского дворца (под Москвой) он потерял почти весь капитал “из-за упрямства” — отказался дать взятку. Он старался “для чести” и говорил, что за стройку ему должны кулек крестов прислать, а не тянуть взятки. За это он поплатился: потребовали крупных переделок. Дед бросил подряд, потеряв залог и стоимость работ.<...> После деда отец нашел в сундучке только три тысячи. Старый каменный дом да эти три тысячи — было все, что осталось от полувесковой работы отца и деда. Были долги»⁶.

Свое детство Шмелев описал во многих произведениях, где автор и лирический герой тесно связаны между собой, ибо нарратив — едва ли не самый характерный художественный прием писателя. Мальчик Ваня, от лица которого Шмелев часто ведет повествование, — выразитель его собственной духовной сущности. От ранних рассказов («Светлая страница», «Мой Марс», «Полочка», «Последний выстрел» и др.) до автобиографической дилогии «Лето Господне» и «Богомолье» и многих эмигрантских рассказов события жизни Шмелева органически вплетаются в канву повествования, придавая ему интимно-лирический характер.

Говоря о начале своего творчества, Шмелев вспоминал, что первый рассказ «Городовой Семен» написал еще в гимназии под впечатлением рассказа Г. Успенского «Будка». За ним последовали юмористические рассказы, роман из сибирской жизни, стихи на тридцатилетие освобождения крестьян, «драма, в которой он и она умирали от чахотки»⁷. Ни одно из этих произведений не было принято в печать, но пережитый мальчиком восторг творчества не пропал. В восьмом классе Шмелев написал рассказ «У мельницы», в основе которого — впечатления от летнего отдыха

юного гимназиста, ловившего рыбу возле заброшенной мельницы. Написанный от первого лица, он напоминает «Записки охотника» И. Тургенева, но в центре внимания автора не герои рассказа, переживающие житейскую драму, не глухой старик, поселившийся возле мельницы, а сам автор, его впечатления и ощущения. Описание бездонного омута, глинистых обрывов берега, «остреньких пеньков осинового сухостоя», разрушенной плотины, ярких ягод рябины дается сквозь призму восприятия юного Шмелева.

Рассказ «У мельницы» был опубликован в 1895 г. в июльском (№ 7) номере московского журнала «Русское обозрение», который обычно называют правым и позднеславянофильским. Его редактор А. А. Александров — ученик и поклонник К. Н. Леонтьева, в 1891–1898 гг. был приват-доцентом Московского университета, писал стихи, посвященные И. А. Гончарову, Ф. М. Достоевскому, А. А. Фету, С. Я. Надсону, учил на дому сына Льва Толстого. И хотя журнал был создан по инициативе министра народного просвещения И. Д. Делянова и при поддержке К. П. Победоносцева, стремившихся возродить «катковский дух», в нем печатались В. В. Розанов и Н. И. Страхов, публиковались воспоминания А. А. Фета, Я. П. Полонского, письма И. С. и К. С. Аксаковых, В. П. Боткина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого.

Вспоминая о разговоре с А. А. Александровым в редакции «Русского обозрения», Шмелев писал в рассказе «Как я стал писателем»: — Вы, конечно, читали нашего основателя, славного Константина Леонтьева... что-нибудь читали?..

— Нет, не пришлось еще, — проговорил я робко.

Редактор, помню, выпрямился и поглядел под пальму, — пожал плечами. Это его, кажется, смутило.

— *Теперь...* — посмотрел он грустно и ласково на меня, — вы *обязаны* его знать. Он откроет вам многое. Это, во-первых, большой писатель, большой художник...

Он стал говорить-говорить... — не помню уже подробности — что-то о «красоте», о Греции...

— Он великий мыслитель наш, русский, необычайный! — восторженно заявил он мне» (2, 307).

Можно сказать, что судьба с самого начала подсказала юному гимназисту Шмелеву его дорогу. И хотя он честно признался Александрову, что не читал статей К. Н. Леонтьева, которые в 1885–86 гг. вышли в двух томах под общим заглавием «Восток, Россия и славянство», нет сомнения, что впоследствии писатель

во многом осмыслил и воспринял не только «эстетический позитивизм» Леонтьева, но и его религиозные и литературные воззрения. Во всяком случае, философско-исторический трактат Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» бесспорно повлиял на отношение Шмелева к европейской цивилизации, когда писатель оказался в эмиграции.

В работе «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьев попытался определить те общие и оригинальные черты, которыми славяне отличаются от других народов. Он писал: «Если славяне призваны к чему-либо творческому, положительному, как особый ли мир истории или только как своеобразная часть европейской цивилизации, и в том и в другом случае им нужна сила. Сила государственная выпала в удел великороссам. Эту силу великороссы должны хранить как священный залог истории, не только для себя, но и для всеславянской независимости. Быть может, со временем для пособия самой Европе против пожирающей ее медленной анархии. И таким образом, для всего человечества»⁸.

Провозглашая византизм как основу не только русской государственности, но и домашнего быта народа, К. Леонтьев резко критиковал западный «либеральный космополитизм» с его культом всеобщего благополучия. Проповедь византизма (церковность, монархизм, сословная иерархия) сочеталась в философии К. Леонтьева с воспеванием «эстетизма жизни» во всех ее проявлениях. Позднеславянофильская идеология без сомнения повлияла на формирование взглядов Шмелева, отразившись прежде всего в культе православия и поэтизации народных традиций. «Русскость», которая одних восхищала, а других раздражала в облике, мировоззрении и творчестве Шмелева, была заложена в нем с детства.

Предки писателя, жившие в Замоскворечье, торговали «посудным и щепным товаром», строили храмы, дворцы, водокачки и бани, регулярно посещали церкви. Именно Замоскворечье стало духовной родиной писателя. Здесь в Толмачевском переулке находилась 6-я московская гимназия, где мальчик впервые почувствовал себя писателем. Все его произведения наполнены описаниями мест этой части Москвы: улиц (Кадашевская слобода, Полянка, Толмачи, Якиманка, Земляной вал, Ордынка, Донская), церквей и соборов (храм иконы Казанской Божьей матери, церковь Григория Неокесарийского, Девичий монастырь, Храм Христа Спасителя), двора, где рос, играл и учился жизни маленький Ваня. Отсюда он рассматривал решетку Мещанского

парка, ходил менять книги в библиотеку Мещанского училища, играл в бабки с друзьями.

Формирование личности и мировоззрения Шмелева происходило в обстановке тесного общения с русским народом: плотниками, столярами, каменщиками, сапожниками, малярами и другим рабочим людом, постоянно заполнявшим двор родного дома. В «Автобиографии» он писал: «Здесь, во дворе я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня очень любовно. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиванием и рубанки, и пилу, и топорик, и молотки, и учили, как “приграфляться” на досках; среди смолистого запаха стружек я ел кислый хлеб, круто посоленный, головки лука и черные, из деревни привезенные лепешки. Здесь я слушал летними вечерами, после работы рассказы о деревне, сказки и ждал балагурства. Дюжие руки ломовых таскали меня в конюшни к лошадям, сажали на изъеденные лошадиные спины, гладили ласково по голове. Здесь я узнал запах рабочего пота, дегтя, крепкой махорки. Здесь я впервые почувствовал тоску русской души в песне, которую цел рыжий маляр»⁹.

Воспитание чувств маленького Вани тоже происходило в общении с народом. Вместе с друзьями детства — сыном сапожника Васькой и подмастерьем Драпом — он целыми днями пропадал за Крымским мостом на огородах, которые представляли перед ними как заманчивый мир свободы и разного рода чудес, — «зачарованное царство». В рассказе «Светлая страница» (1910) Шмелев описывает это царство: бесконечные заросли лопуха, крапивы и конского шавеля, золотое море одуванчиков, пушистые кусты спаржи, сизая капуста на грядках. А главное — тихое приволье, полное тайн и опасностей. Большой красный дом, где доживают свой век старый солдат Сидор и четыре лошади, которых вот-вот увезут на живодерню, кажется мальчикам «черным провалом в глубь земли».

Ребятам впервые открывается здесь «печальный круг жизни». На водокачке, как в жизни, человек идет по кругу, приближаясь все ближе к ее концу, который неизбежен. Храбрый солдат Сидор Кривой, защищавший Севастополь, стал инвалидом, как и боевой конь Губошлеп, которому до сих пор снится кровавое поле битвы и слышится звук трубы. Их судьбы одинаковы: на водокачке по кругу ходить. Страх сменяется у ребят острой жаждой, когда они слушают рассказы старого одинокого челове-

ка, для которого лошади как родные: «Да я с ними, как с людьми живу... Только они у меня и есть...». «Так и жизнь человеческая. Кружишься, кружишься, а потом...»¹⁰

На водокачке у мальчиков рождается ощущение единства всего живого с человеком. Их начинает волновать судьба самой старой лошади, которую уже продали на живодерню. Они уговаривают Сидора не отдавать ее коновалу, но тот не может послушаться приказа. Тогда Ваня берется уговорить отца, хозяина водокачки, посадить Сахарную, дать ей свободу. Описание природы в день, когда мальчики освобождают лошадь и выводят ее на травку, гармонирует с ликующим настроением героя: утро сверкает, колокола играют веселым звоном, верба в бутылочке дала листочки, сквозящие на солнце. Ване кажется веселой даже пыль, которая золотится под метлой дворника Гриши. И хотя Сахарная все-таки «уснула», мальчики стоят над ее телом молча: «Свершилось то, что должно было свершиться, было грустно, да... и все же было хорошо на душе»¹¹.

Чувства доброты и сострадания рождают в детских душах понимание трагизма жизни. Ее символический круг, как круг исполинской водокачки, — источник всех радостей и печалей, о которых поведаёт Шмелев в романе «Лето Господне». Так уже в раннем творчестве писателя возникает и развивается тема «круга жизни», который человек проходит в непосредственном контакте с природой и животным миром.

Рассказ «Светлая страница» был написан под влиянием лирического отступления Гоголя в поэме «Мертвые души»: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, — забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом»¹². Учась у Гоголя и Тургенева, Шмелев развивал гуманистические традиции классической русской литературы XIX века.

Истинный выразитель духа славянского — великорусского — народа, И. С. Шмелев с детства впитал и традиции православия. В соответствии с моральными заповедями христианства он опирался на категории совести и человеколюбия. В ранних детских рассказах писателя доминирует тема гуманизма, проявления которого несказанно радуют Шмелева. Так в рассказе «Мой Марс» эгоистичная разноликая толпа пассажиров на пароходе, занятая лишь своими интересами, вдруг преобразается и начинает переживать за жизнь собаки, нечаянно упавшей в море. Шаловливый непослушный Марс, который мешал пассажирам и раздра-

жал многих, становится героем дня, потому что в его спасении они принимают непосредственное участие.

Человек раскрывается в своих лучших качествах неожиданно, и тогда пропадают все различия между людьми. Шмелев пишет: «Когда все вдруг почувствовали одно, всем общее, что таилось у каждого, далеко запрятанное, но такое теплое и хорошее, и на короткое время стали детьми... чистыми детьми. Когда были забыты и шляпа-панамы, и бархатные картузы, и смазные сапоги, и рубахи, и накрахмаленные воротнички. Когда мужичок в поддевке тянулся через плечо господина, облаченного в изящную английской фланели пару, и оба они смотрели на борющуюся за свою жалкую жизнь собаку и жалели, и хотели одного»¹³.

Шмелев верит, что православный строй души сближает между собой представителей разных сословий, разного уровня культуры и даже носителей разных языков. А христианское понятие о «братьях наших меньших» делает страдания животных близкими и понятными человеку. В рассказе «Мэри» трагическая смерть молодой лошади становится тяжким наказанием для старого жокея, решившего еще раз показать свои способности на скачках и взять приз. При этом традиционный для русской литературы прием очеловечивания изображаемого животного («Муму» И. Тургенева, «Холстомер» Л. Толстого и мн. др.) Шмелев обогащает альтруистическим мотивом, характерным для православия. Его Мэри не просто разговаривает с хитрым воробьем-эгоистом или с дворовым псом Жуком. Она жалеет старого жокея, его плохо одетых внучат и полуголодную дочь, замечает и прогнивший забор, и облезлые стены домика, куда ее привел Числов. Она хочет помочь им выбраться из бедности. «Я очень рада, — сказала Мэри. — Этот старичок такой скучный, мне его жаль. Поверьте, я вовсе не хочу есть даром овес... И для вас, господа, я рада что-нибудь сделать: вы такие добрые.

— Мы труженики, — сказал Жук»¹⁴.

Мэри приходит на скачках первой и умирает, надорвавшись от непосильного напряжения. Совесть мучает Числова, его не радует ни новая зеленая крыша домика, ни белый узорчатый забор, ни резные ворота. «Зачем все это случилось! А-а-а... — глухо сказал старый жокей. — Лучше бы не возвращаться совсем...

Он положил голову на руки. Проклятая слава!»¹⁵ Никакая слава не стоит одной жизни, даже жизни зверя, — резюмирует автор.

Шмелев с юности признавал совесть одной из главных составляющих души человека. Уже в его раннем творчестве появляются герои, переживающие душевную драму при виде насилия и бесчинства властей. Таковы капитан Дорошенков, участник суда над революционерами, из рассказа «По спешному делу» (1906), герой рассказа «Вахмистр» (1906), купец Иван Кузьмич из одноименного рассказа, написанного в 1907 г. Жандарм Тучкин, ревностно выполняющий приказ «наводить порядок», внезапно узнает в одном из революционеров на баррикаде своего сына и уходит со службы в полицию. Иван Кузьмич Громов, купец, далекий от революционных кругов и никогда не думавший о социальной справедливости, чувствует, что есть другая правда, о которой говорят участники митинга. Под влиянием «новой правды» преображается в дни революции и герой повести «Гражданин Уклеikin» (1907).

Сапожник Дмитрий Уклеikin, фамилия которого напоминает о его родстве с образами «маленьких людей», побывав на загородной сходке и послушав речи о свободе и равноправии, начинает чувствовать себя другим человеком — гражданином. И хотя он по-прежнему остается нищим и обездоленным, его сознание раздваивается. С помощью психологического анализа Шмелев передает двойственность внутреннего мира героя: «Как и во всяком человеке, в Уклеikinе были одно в другом таившиеся два существа. Одно — глубоко внутри, несознаваемое, лишь чувствуемое. Оно-то всегда ныло в нем, билось мучительно, точно хотело вырваться из него и умчаться»¹⁶. Всегда грязный и угрюмый, пропахший сапожным варом и винным перегаром, Уклеikin, покорно переносивший побои, теперь начинает подчиняться этому, второму «я», которое чувствует себя мятушимся и независимым. «Гражданин» Уклеikin не хочет больше мириться с несправедливостью и гнетом.

Через все ранние произведения Шмелева проходит мотив «распада» существующих устоев жизни, особенно выразительный в повести «Распад» (1907). Повествуя, как «коробится и расползается» старозаветный быт, казавшийся незыблемым, Шмелев показывает это на примере судьбы Захара Хмурова, маленькое предприятие которого прибирают к рукам дельцы «американской хватки». Но главная мысль повести «Распад» — не только обличение хищных и аморальных дельцов, идущих на смену кустарям-одиночкам. Шмелев размышляет о непрочности

устоев самой жизни, в которой, как в громадной лаборатории, все кипит, «распадается и создается», о судьбе страны и народа.

Формирование личности и мировоззрения Шмелева, происходившее в кругу православной русской семьи, в обстановке тесного общения с народом, тоже способствовало его духовной близости к идеологии славянофильства. К. Леонтьев писал: «Семья? Но что такое семья без религии? Что такое русская семья без христианства. Что такое, наконец, христианство без византийских основ и без византийских форм?»¹⁷ В работе «Византизм и славянство» он доказывал, что крепкая великорусская семья всегда держится на православии, а монархическое начало является единственным организующим началом народа. На Западе он замечал эвдемонизм, принципы отвлеченного долга, взаимной терпимости, и, что более всего его возмущало, космополитизм. К. Леонтьев утверждал: «Идея всечеловеческого блага, религия всеобщей пользы — самая холодная, прозанческая и вдобавок, самая невероятная, неосновательная из всех религий»¹⁸. По мнению философа, либеральный демократизм не только разрушает культурный мир Запада, но и губительно действует на Россию.

Описывая славянский тип человека, он отмечал доброту, великодушие, отзывчивость великоросса. Поскольку в современной Европе, по словам мыслителя, потеряна любовь к Богу и «вера в священные права государства и семьи», он предостерегал Россию от опасности «либерального космополитизма»¹⁹. К. Леонтьев считал, что Россия может противопоставить этому свою традиционную духовную культуру, имеющую византийские корни. Важной составляющей философских и эстетических концепций мыслителя была идея Древа Жизни. Опираясь на символический библейский образ (Бог насадил это дерево для Земли), К. Леонтьев использовал его для проповеди «эстетики жизни», в которой соединяются радость бытия, плотская красота и духовное совершенствование. Призывая любить жизнь даже в ее трагических проявлениях, он писал: «Нет ничего священнее Древа Жизни. И так — до скончания земли, и это одна правда на земле»²⁰.

Нет сомнения, что многие мысли К. Леонтьева, в разное время по-разному воспринятые, отразились в мировоззрении и творчестве И. Шмелева. В первой книге очерков «На скалах Валаама» (1897) он описывает монастырь и его окрестности, восхищается монастырской жизнью и начинает размышлять о вере

и безверии, о роли православия в семейной жизни. И хотя, будучи студентом, он с увлечением читал книги Бокля, Дарвина, Сеченова и считал себя безбожником, Шмелев постепенно приходит к выводу, что самое важное знание жизни приходит только от церкви.

Рукопись книги Шмелев отнес своему первому редактору А. А. Александрову, который ее одобрил. Можно предположить, что к этому времени молодой писатель уже познакомился с некоторыми трудами Леонтьева. Во всяком случае, его горячее желание стать писателем национальным, русским, которое окрашивает весь ранний период творчества писателя, во многом объясняется влиянием этого философа. Отправляя М. Горькому свои рассказы для отдельного издания в «Знании», он писал 1 марта 1910 г.: «Счастье быть писателем родным, национальным в лучшем смысле слова, тем, под трудами которого смело может стоять подпись русскими буквами, русскими опять-таки в смысле огромного объема. Я не националист. И если говорю о народе русском и о национальности писателя, говорю в самом хорошем смысле слова — дай в общую сокровишницу свое, родное, чего, быть может, мало там, у другой стороны. И как хочется быть выразителем родного»²¹.

Горький отозвался. Признавшись, что разделяет мнение Шмелева о национализме, он писал о себе: «Националист, ибо верю в некоторые прирожденные особенности народа, еще не стертые в нем новой его историей, верю в его исключительную талантливость... и всего более надеюсь на *историческую* молодость нашу, обеспечившую нам недурную психику»²². Шмелев не менее оптимистично смотрел на будущее России. Он писал Горькому о русском народе, который, «стиснутый клешами и колодками, бичуемый, оплевываемый и терзаемый, вечно голодный и все же смотрящий добрыми глазами... выдвинул, выбросил во все человечество колоссов ума, сердца, простоты, шири душевной, крепкой мысли... этот народ — огромный и важный рычаг мировой машины»²³.

Переписка и общение с Горьким стали причиной близости Шмелева к кругу писателей, объединившихся вокруг демократического издательства «Знание», где печатался первый том его «Рассказов». Написанные в 1906–1910 гг. рассказы, а также повести «Распад», «Гражданин Уклейкин», «Человек из ресторана» (1911) свидетельствуют не только о его внимании к социальным темам, но и о желании показать русского человека во всей слож-

ности его характера. Пережив годы первой русской революции, Шмелев пишет о гибели старого уклада жизни, на смену которому приходят безбожные революционные времена. Писатель приветствует пробуждение самосознания в простом русском человеке и одновременно осуждает плоды европейской «цивилизации», нивелирующие и развращающие личность.

Шмелев рассматривает социальные проблемы в свете доктрины христианства и пытается постичь тайны духовного своеобразия русского человека. Рассказ «Последний выстрел» (1908) написан от первого лица. Рассказчик, в котором без труда угадывается сам автор, повествует о своей поездке на берега Оки, где в маленьком уютном домике на краю поселка, расположенного под стенами старого монастыря, он провел лето. Здесь тихо и спокойно, «звенит иглами вековой бор», а старая сосна протягивает корявые ветви прямо в дом. Рассказчик приезжает не один, а с двумя питомцами. Это маленькие пушистые комочки — корольки, которые вывелись в домашнем инкубаторе, выросли в коробке из-под ваты и так привыкли к хозяину, что засыпали у него на плече. Казалось бы, на летнем приволье они должны окрепнуть и радоваться жизни, но их ждет беда.

Хозяевами монастырского бора были ястребы. Их огромные гнезда прятались в густых вершинах деревьев, а хищные клювы не оставались без добычи. То и дело в темном бору разыгрывались трагедии: то пискнет в последний раз бойкая синичка, то «чвокнет врасплох попавшийся дятел», но эти крики тонут в звоне вершин и победных звуках ястребиного «пырльканья»²⁴. Ястребы изображены по контрасту с благословенной умиротворяющей природой: они сидят на ветвях черных засохших сосен, с которых упала кора, голые сучья уныло тянутся в небо, а отсохшие хрупкие ветки на земле скрывают обглоданные скелеты жертв, убитых хищными птицами.

Вскоре одной из их жертв становится петушок-королек: громадный ястреб унес его со двора. Шмелев пишет: «Я был потрясен, точно потерял самое близкое. Да, близкое. Мой королек был, действительно, мой, близкий мне. Я дал ему жизнь. Из мертвого яйца терпением и любовью я вывел живое существо, полюбил и заставил полюбить себя»²⁵. Ненависть к хищной птице, желание отомстить с этой минуты полностью овладевают душой рассказчика. Он берет в руки ружье, хотя раньше не хотел даже думать об охоте, и целыми днями блуждает по бору, выслеживая врагов. «Война! Война не на жизнь, а на смерть!

Здесь, на полянке, впитавшей последние капли крови моего королька, я решил. Мой бедный король! Я заставлю их долго помнить тебя!»²⁶

Жгучее чувство мести заставляет забыть обо всем. Рассказчик с утра до вечера стреляет в ястребов. Их широкие крылья, недавно рассекавшие воздух, теперь сушатся на стене сарая, а деревенские мальчишки, трогая их руками, считают: «Двадцать первый! Вот так мы!»²⁷ Но почему-то азарт войны и ненависти не приносит удовлетворения человеку. Он плохо спит ночами, уныло бродит по лесу и даже стыдится своих трофеев: просит хозяйку снять и куда-нибудь унести ястребиные крылья. Враг становится его жертвой, когда ему удается подстрелить молодого ястребенка. «На меня глядели вздрагивающие глаза, черные, напряженные, строгие. В них видел я — а может быть мне показалось так — я видел в них ужас и ...ненависть, и упрек...»²⁸

С этой минуты происходит надлом в душе рассказчика. Ненависть и месть уступают место раскаянию и стыду. Он пытается искупить вину, хочет вылечить и накормить ястребенка, но тот упорно отказывается от еды. День изо дня ему становится все хуже. И человек, который потерял сон и покой, решает застрелить его, чтобы не видеть мучений живого существа. Это его последний выстрел. Он думает, что искупает вину, но ему нет прощения, ибо «оно, невидимое око», громко кричит в нем. Кричат и ястребы, они проклинают убийцу. Муки совести разрушают самого человека, для которого меркнут все краски мира: «Точно что-то карало меня, чье-то невидимое, но существующее око. Оно лишило меня сна, покоя, радости летнего утра, ярких красок молодых дней. И я знал, что это за око, как звать его...»²⁹

В рассказе доминирует тема моральной ответственности человека перед Богом за грех убийства и осуждается месть как средство искупления зла. В XX веке человек начинает соперничать с Богом: он может сам с помощью инкубатора создать живое существо, пытается сам карать и казнить. Уроки революции 1905 года не прошли для Шмелева бесследно. Писатель размышляет о зле и добре, силе духа и власти оружия, вине и ее искуплении. Комплекс Раскольникова не характерен для героя рассказа «Последний выстрел». Он не испытывает себя убийством, чтобы доказать свою исключительность (он — «не тварь дрожащая»). Ему чужд иезуитский принцип «цель оправдывает средства», свойственный революционерам-ортодоксам. Но бесы Достоевского, уже начавшие свою разрушительную работу в

России, проникают и в его душу. Белое пушистое перышко, оставшееся от королька, играет роль катализатора чувств. Однако слепая ненависть, толкающая человека к мести, по мысли Шмелева, не может принести ничего хорошего.

В 1906 году М. Волошин писал в стихотворении «Ангел Мшения»:

Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч, погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

В рассказе «Последний выстрел» герой, одержимый гневом, становится палачом, и Бог карает его за это. Он вряд ли придет еще раз в свой любимый заповедный уголок, и уж точно никогда больше не возьмет в руки ружья. Название рассказа символично: это не только последний выстрел в ястреба и последний выстрел героя вообще. Это предупреждение людям, пытающимся с помощью силы и треска выстрелов осуществить свою мечту о социальной справедливости и новом общественном устройстве. Они бессердечны, потому что безрелигиозны. Но оно, всевидящее Око, не оставит их без наказания. Совесть как высшая божественная справедливость становится у Шмелева не только моральной категорией, но и онтологической сущностью.

Его раннему творчеству присущ социальный критицизм, поиски новой жизни, отличной от того жалкого прозябания, которое ведут его герои («К новой жизни», «Распад», «Гражданин Уклеikin» и др.). Противопоставляя беспросветное существование своих героев их мечтам об иной жизни, Шмелев, однако, не находит ярких красок для ее описания: проклягущая жизнь маленького человека может вызвать лишь тоскливый вздох: «Петля какая-то, а не жизнь. И не видать ничего»³⁰. Мечта о будущем, как правило, лишена у Шмелева конкретной реальности, ибо его герои не обладают ни широтой кругозора, ни представлениями о политической борьбе. Некая абстрактная картина романтического будущего, где добро и правда победят зло и несправедливость, рисуется в рассказах «Победа», «Однажды ночью», «Рванный барин», в повести «Гражданин Уклеikin», в статье «Дар бесценный».

В соответствии с демократическими идеалами, характерными для всех писателей-знаньевцев, И. Шмелев проповедовал необходимость социальных преобразований, которые облегчат каторжную жизнь простого человека. Он признался издательнице детского журнала «Родник» Н. А. Альмединген: «Мечта моя

иметь читателя из широких народных слоев. Им бы хотелось сказать доброе и ободряющее слово, им, откуда глядят на меня будущие люди, простые сердцем, которые построят к<огда>-н<ибудь> иную жизнь, простую и красивую человеческую жизнь»³¹.

7 января 1910 г. И. Шмелев писал Горькому, что в повести «Под горами» стремился показать «жизнь ущемленную», жизнь незаметных людей, противопоставив ей красочное богатство южной природы: «Я взял юг, где и солнце ярче, и природа обильна и щедра. И на фоне пестрой, бьющей соками и красками жизни я контрастно дал жизнь ущемленную, жизнь, забываемую в колодки, незаметную жизнь. Она кричит, но ее не слышно. Ее топчут, давят, а она верит и надеется, и ждет. И ее метут, метут. А солнце светит, всем, и небо над всеми одно, и пышно играют цветы, и бьют соки жизни кругом, и горы покойно смотрят, каменные. И бьется, и трется, и ломается — кричит неслышим криком жизнь маленькая и большая, стонет и плачет, и торжествует. Никакой задачи не ставил я. Я дал лишь осколок жизни»³².

Из таких осколков складывается лик жизни в ранних произведениях Шмелева. В них нет утонченного любования бытом, более того перечисление деталей иногда делает повествование близким к натуралистическому. Писатель идет целиком в русле традиционного изображения «маленького человека», задавленного «свинцовыми мерзостями» окружающего. Не случайно Шмелев ощущает свою близость к Горькому, которому он писал 22 декабря 1910 г., что изображает «заплеванную и разгульную жизнь, сбитую с толку и неумело протестующую»³³. Этот лик жизни запечатлен в большинстве произведений Шмелева 1908–1911 гг. — от повести «В норе» до «Человека из ресторана».

В 1910-х годах начинает создаваться новая художественная система писателя, в которой немаловажную роль играет колоритная бытовая деталь. Можно сказать, что именно в этот период Шмелев совершает эволюцию от описания жизни к осознанию бытия. В статье этих лет «Быт в литературе», оставшейся незаконченной, И. Шмелев протестует против расхожего утверждения критики, что «быт умер, песня реализма спета, литература вышла на новую дорогу»³⁴. Отрицание быта, характерное для этих лет, можно объяснить двумя причинами: противопоставлением быту события, т. е. революции 1905–07 гг., которая принесла с собой новый расцвет романтических мотивов в литературе, и борьбой реализма с модернизмом, отрицавшим бескрылое мешанское существование и, соответственно, описание быта.

Шмелев пишет: «Действительность слишком была окрашена в красный цвет, чтобы можно было воспринимать ее без остроты в творчестве. После напряжения наступила усталость. Требовалась пища полегче. Надо было закрыться от действительности»³⁵. В последних словах можно усмотреть намек на писателей-модернистов, которые после поражения первой русской революции сознательно уходили от жизни в мистику и вымысел. Шмелев искал иной путь — к осмыслению бытия через быт.

Произведения, написанные Шмелевым в 1908–1911 гг., свидетельствуют о поисках самовыражения через детали быта. Трагедия официанта Скороходова в повести «Человек из ресторана» (1911) разворачивается на фоне бытовых сцен из жизни дорогого европейского ресторана, прообразом которого была московская «Прага». Герой Шмелева — не просто «маленький человек», а русский человек из народа, нравственная чистота которого и этические принципы противостоят духовной скудости и мерзости «особ из высшего полета». Он верит: как бы ни была тяжела жизнь, какими бы несчастьями она ни испытывала человека, он не должен озлобляться, а нести свой крест смиренно.

Писатель виртуозно пользуется монологом как одной из форм нарратива, вживаясь в образ своего героя. Происходит как бы смена парадигмы в традиционной схеме «автор-герой». Если Пушкин называл Онегина «добрый мой приятель» и вел *рассказ о герое*, то Шмелев разрушает диалогический, романский тип отношений, создавая психологически насыщенный сказ. Вживание и даже «вчувствование» во внутренний мир героя позволяет ему создать его правдивый образ с помощью монолога. Он использует сказ как основную форму раскрытия мыслей и чувств героя, индивидуальных особенностей личности.

Скороходова больно бьет жизнь: сына выгоняют из гимназии, дочь становится содержанкой богатого человека, умирает жена. Внимание к простому человеку позволило писателю показать благородную страдающую личность Скороходова изнутри. И хотя тему «большой трагедии маленького человека» можно назвать традиционной («Станционный смотритель» Пушкина, «Шинель» Гоголя, «Бедные люди» Достоевского), писатель существенно обновляет ее характерными приметам времени.

Скороходов уже пережил революцию 1905 г., поэтому у него просыпается самосознание Человека, не лакея, а личности. По сравнению с «гражданином Уклеикиным» он не стремится к участию в революционных событиях и даже осуждает сына.

сблизившегося с бунтовщиками, но он уже — не просто «номер из комплекта» лакеев, приставленных к обслуживанию богатых господ. Размышляя о молодых, он сетует: «Учили вас наукам разным, а простой науке не выучили, как об людях понимать»³⁶.

Жизненно правдивый образ Скороходова, «маленького человека», которому не чуждо смирение и всепрощение, верующего, что «сила от Господа», дается в романе Шмелева на фоне беспощадной критики нравственной грязи и ханжества высшего общества в России. Поэтому большинство критиков, приветствуя появление романа, назвали писателя продолжателем гуманистических традиций Пушкина и Гоголя. Тургенева и Л. Толстого. Е. Колтоновская отметила, что в повести «чувствуется большой и серьезный — внутренний — интерес к социальным проблемам»³⁷. В. Львов-Рогачевский, заметив, что мечта о правде в повести «неясна и расплывчата», назвал Шмелева «художником обездоленных», выражающим глубокую веру в народ»³⁸. Более интересен отзыв А. Дермана, который писал, что именно в этом произведении Шмелев «нашел себя, свой собственный стиль»³⁹.

О. Сорокина пишет: «“Человек из ресторана” продолжает традиции “Станционного смотрителя” Пушкина, “Шинели” Гоголя и “Бедных людей” Достоевского, раскрывая трагедии, присущие жизни отверженных, смиренных и покорных, которых те, кому они прислуживают, едва ли считают за людей». Она замечает также влияние Л. Толстого в изображении душевных переживаний главного героя: «Отличающийся острой критикой и беспощадным показом нравственной грязи и ханжества, прикрывающегося приличиями, роман представляет Шмелева как последователя Льва Толстого, чье влияние также выявляется в моральных и этических позициях персонажей. Скороходов — искатель правды. Нравственное несовершенство людей и отсутствие взаимного понимания и сострадания, надругательство над душой человека — вот что больше всего волнует его»⁴⁰.

В романе Шмелева бесспорно отразилось не только влияние творчества Л. Толстого, но и увлечение ранними произведениями Горького, в которых беспощадная критика буржуазности сочеталась с идеей рождения нового Человека с большой буквы, который перестроит мир на основах правды и справедливости. Известно, что именно Горький посоветовал Шмелеву изменить название романа: вместо «Под музыку» стало «Человек из ресторана». Тогда изменилась сама концепция произведения: Шмелев воспользовался двойным значением слова «человек» (лич-

ность и слуга), чтобы сделать акцент на внутреннем мире Скороходова, а не на бытовой обстановке его работы.

Однако, несмотря на явное влияние предшественников, Шмелев решает тему «маленького человека» по-своему. Его герой — не смиренный страдалец Пушкина и Гоголя, не «униженный и оскорбленный» Достоевского, не философствующий босяк Горького, а личность, в которой живет и страдает русская душа, ее неповторимая духовная сущность. Можно сказать, что именно с этого романа писатель начинает долгий и трудный путь постижения тайны внутреннего мира человека, обладающего живым чувством Бога. Повесть «Человек из ресторана» явилась достойным завершением первого этапа творчества писателя, отразив его жизненную позицию и уже сформировавшиеся художественные принципы.

¹ Духовный путь Ивана Шмелева. С. 378.

² Ильин. С. 383.

³ Шмелев И. Лето Господне. М.: Олимп, 1996. С. 518.

⁴ Венок Шмелеву. С. 63.

⁵ Лепта. 1991. № 4. С. 155.

⁶ Шмелев Иван. Светлая страница. Калуга, 1995. С. 35.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Русские философы. Конец XIX—середина XX века. М., 1993. С. 321–322.

⁹ Шмелев Ив. Собрание сочинений. Т. 1. Солнце мертвых. М.: Русская книга, 1998. С. 14–15. Далее ссылки на это издание даются в тексте: том и страница.

¹⁰ Шмелев Ив. Светлая страница. С. 63.

¹¹ Там же. С. 78.

¹² Там же. С. 80.

¹³ Там же. С. 105.

¹⁴ Шмелев И. Полочка. М., 2000. С. 65.

¹⁵ Там же. С. 95.

¹⁶ Шмелев И.С. Повести и рассказы. М., 1960. С. 52.

¹⁷ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. Т. 1. М., 1996. С. 120.

¹⁸ Там же. С. 105.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 146.

²¹ Переписка М. Горького в двух томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 414.

- ²² Там же. С. 416.
- ²³ Архив А. М. Горького. КГп-89-2-2.
- ²⁴ Шмелев И. Полочка. С. 22.
- ²⁵ Там же. С. 26.
- ²⁶ Там же. С. 29.
- ²⁷ Там же. С. 31.
- ²⁸ Там же. С. 34–35.
- ²⁹ Там же. С. 42.
- ³⁰ Шмелев Ив. Рассказы. Т. 1. СПб., 1910. С. 121.
- ³¹ Русская литература. 1966. № 3. С. 186.
- ³² Архив А. М. Горького. КГп-89-2-1.
- ³³ Там же. КГп-89-2-9.
- ³⁴ ОР РБГ, ф. 387, карт. 9, ед. хр. 1.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Шмелев И. Рассказы. Человек из ресторана. Патока. Т. III. М.: Книгоиздательство писателей в Москве. М., 1912. С. 35.
- ³⁷ Речь. 1912, 3 декабря.
- ³⁸ Современный мир. 1912. № 11. С. 308.
- ³⁹ Русские записки. 1916. № 6. С. 88.
- ⁴⁰ Московянина. С. 67.